
В. М. АХМЕДОВ

**ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
И РЕГИОНАЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ
МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ***

В статье рассматриваются теоретические основания, определяющие специфику диалектического взаимодействия процессов глобализации и регионализации на Ближнем Востоке с точки зрения их влияния на политику региональных государств и проблемы международной безопасности в регионе. Если до Второй мировой войны международное значение государств региона определялось прежде всего их выгодным геостратегическим положением, то на рубеже XX–XXI вв. роль ближневосточных стран в мировой политике существенно возросла. Произошло это в связи со стремлением мировых держав играть более значимую роль в региональной политике, динамика которой серьезно влияла на геополитическую обстановку в современном мире.

В то же время в складывавшихся международных отношениях все более актуальное значение приобретал региональный фактор, отражавший динамику изменений мира через различные процессы трансформаций региональных конструкций. Ближневосточный регион фактически был признан элементом международных отношений, складывавшихся в больших политико-экономических зонах. Регионализация и регион все больше начинали совпадать с такими явлениями, как интеграция и глобализация. Растущее международное соперничество и жесткая конкурентная среда подталкивали региональные государства сопротивляться вызовам глобализации. Наряду с этим начиная со второй половины 1990-х гг. растущая вовлеченность региональных государств в процессы модернизации

* **Для цитирования:** Ахмедов, В. М. 2025. Диалектика взаимодействия процессов глобализации и регионализации в контексте международной безопасности на Ближнем Востоке. *История и современность* 4: 70–78. DOI: 10.30884/iis/2025.04.04.

For citation: Akhmedov, V. M. 2025. The Dialectics of Interaction between Globalization and Regionalization Processes in the Context of International Security in the Middle East. *Istoriya i sovremennost' = History and Modernity* 4: 70–78 (in Russian). DOI: 10.30884/iis/2025.04.04.

История и современность, № 4, декабрь 2025 70–78

DOI: 10.30884/iis/2025.04.04

и глобализации совпала с усиливающимся процессом смены власти в этих странах и активными попытками изменить характер действующих политических систем.

Окончание холодной войны обозначило несколько этапов эволюции системы межгосударственных отношений на Ближнем Востоке. С момента крушения биполярной системы в развитии Ближневосточного региона произошли качественные и структурные изменения на региональном и субрегиональном уровне. Важными итогами развития Ближнего Востока после окончания холодной войны в условиях «нового миропорядка» стало изменение системы международных отношений и структуры региональной безопасности. В отличие от прежней системы, которая во многом была отражением биполярного характера мироустройства, новая структура все больше принимала аутентичные контуры, в рамках которых развивалась особая конфликтная среда, питаемая арабо-иранским соперничеством и суннитско-шиитской враждой. Накануне «арабской весны» состояние перманентной социальной напряженности становилось характерным явлением практически во всех государствах Ближнего Востока, даже таких внешне благополучных, как нефтедобывающие монархии Персидского залива. Спустя два десятилетия последствия холодной войны на Ближнем Востоке привели к тому, что регион стал свидетелем социальных потрясений и гражданских войн.

Таким образом, многие прежние оценки, отличавшиеся высокой степенью генерализации, в вопросах исследования социально-политических сдвигов на современном Ближнем Востоке перестали адекватно отражать реальное положение дел. В результате отечественные аналитики и ученые все больше внимания уделяют как личностным характеристикам ближневосточных политиков, так и новым трендам в развитии современного ближневосточного политического процесса в поисках новых механизмов обеспечения региональной безопасности на Ближнем Востоке.

В условиях стремительно уходящей в прошлое на наших глазах привычной системы международных отношений, организации прежнего миропорядка и системы мироустройства формируются различные мировые центры силы и влияния. В основе их объединения и поведенческого стереотипа заложены новые принципы полицентричности, которые определяют возможности влияния каждого из центров на мировую политику и характер их взаимодействия друг с другом. Несмотря на отмеченный выше рост регионализма в ближневосточной политике, Ближний Восток является сегодня одним из самых проблемных таких центров.

Ключевые слова: Ближний Восток, международные отношения, глобализация, регионализация, ближневосточная безопасность.

Введение

На рубеже XX–XXI вв. Ближний Восток пережил ряд крупных трансформаций общественно-политического характера. Историче-

ски Ближневосточный регион представлял собой средоточие многообразных процессов мирового цивилизационного значения. В мире постоянно рос интерес к государствам Ближнего Востока, его истории, культуре, особенностям жизни ближневосточных обществ и происходившим там социально-политическим процессам. Однако если до Второй мировой войны международное значение государств региона определялось прежде всего их выгодным геостратегическим положением, то на рубеже XX–XXI вв. роль ближневосточных стран в мировой политике существенно возросла. Произошло это не только в результате обнаружения на их территории гигантских запасов углеводородов, но и в связи со стремлением мировых держав играть более значимую роль в региональной политике, динамика которой серьезно влияла на геополитическую обстановку в современном мире. Желание мировых держав управлять процессами глобализации в региональном формате Ближнего Востока путем политического, экономического и культурного контроля являлось отражением субъективного фактора в объективном по своей сути процессе развития современного мира.

Ближневосточный регион фактически был признан элементом глобальной безопасности и международных отношений, складывавшихся в больших политико-экономических зонах. Его политические границы и регламентированные соглашения трансграничного сотрудничества в международной сфере перестали восприниматься как чисто географическая категория. Регионализация и регион все больше начинали совпадать с такими явлениями, как интеграция и глобализация. Несмотря на свою взаимосвязанность, тренды глобализации и регионализации фактически отражали противоречивые тенденции в развитии современных международных процессов на Ближнем Востоке. С одной стороны, глобализация предполагала новый уровень взаимодействия на основе новых информационных технологий и коммуникативных возможностей. С другой стороны, усиливающиеся в последние десятилетия на региональной основе противоречия цивилизационного, геополитического характера формировали тенденцию к разъединению и поляризации (Резник 2020; Римский и др. 2011).

Действительно, распространение современных информационных технологий и их постепенная массовая доступность стали новым явлением в регионе. Подобные изменения не могли не повлиять на характер политики ближневосточных государств. Ближневосточным элитам пришлось спешно приспособливаться к новым по-

литическим реалиям. Неготовность арабских правительств быстро реагировать на подобные изменения предопределила реактивный характер восприятия ими новых реалий и сложность адаптации к ним политических и мировоззренческих систем. С учетом внешнего воздействия происходившие изменения не служили прогрессу ближневосточных государств и интересам их населения, в среде которого стал формироваться антизападный протест и росло недоверие к собственным властям.

Растущее международное соперничество и жесткая конкурентная среда подталкивали региональные страны к объединению усилий под давлением глобализации и ее вызовов. В этих условиях регионализация являлась ответной реакцией отдельных регионов мира на вызовы глобализации (Мартин 2023). Развитие процессов урбанизации и быстрые темпы демографического роста привели к маргинализации значительной части городского населения арабских стран. В условиях авторитарных методов правления, базировавшихся на принципах личной власти, конфессиональной, клановой и земляческой общности, пауперизация населения сопровождалась обогащением правящих элит. Так, в начале 2000-х гг. общий объем личных капиталов зажиточных людей на Ближнем Востоке вырос и составил 1–1,3 трлн долларов США (Политическая... 2006). Одновременно росла грамотность населения, постепенно сближались культурные уровни мужчин и женщин, а вместе с этим объективно менялось и общественное самосознание людей. Подобная динамика во многом была обусловлена развитием процессов модернизации.

Действительно, большинство ближневосточных стран сталкивалось с весьма серьезными экономическими и социальными трудностями на пути модернизации и демократизации своих обществ. С этой точки зрения вряд ли можно было разделить оптимизм сторонников неолиберализма, считавших, что установление демократии обеспечит экономический прогресс в странах третьего мира. По мнению ряда исследователей, «не существовало обязательной позитивной корреляции между демократией и развитием» (Leftwich 1993: 613). Более того, исторический опыт развития Европы и других регионов свидетельствовал, что устойчивая демократическая система складывалась как итог длительного социально-экономического развития. Преждевременное введение демократии могло затруднить развитие, особенно когда государство оказывалось перед выбором между быстрым ростом и укреплением демократии.

На ранних стадиях процесса модернизации приоритетным являлся процесс накопления и инвестиций в инфраструктуру и производство, а не в социальную сферу. В этом случае эффективными оказывались авторитарные, а не демократические режимы, которые ограничивали процесс накопления в пользу потребления. Поэтому вера в экономический и политический либерализм как универсальное средство развития была глубоко ошибочной. Ближневосточные страны нуждались не столько в демократическом государстве, сколько в государстве, ориентированном на развитие, – “Developmental State” (Leftwich 1993: 613). То есть в таком государстве, где политическая и бюрократическая элиты поддерживали цели развития и обладали возможностями осуществить поставленные задачи. Без сильного государства ни одно развивающееся общество не могло провести радикальные преобразования и осуществить экономический прорыв. В отсутствие мощного государства рыночные стратегии развития рано или поздно терпели крах из-за порождаемого ими экономического и социального неравенства, эскалации политической борьбы. Реализация нелиберальных моделей развития в таких странах вела к политическим потрясениям, подрыву экономики и государственным переворотам.

В последние десятилетия теория модернизации уступила свое ведущее место в научном и политическом мире Запада новой парадигме – неолиберализму. В противовес кейнсианству, служившему до недавнего времени идейно-теоретической основой государственной политики стран Запада, неолиберализм выступал за ограничение регулирующей роли государства в экономике и общественной жизни, за всемерное развитие частного предпринимательства и свободных рынков, а в сфере политики отстаивал идеи демократии, свобод и прав личности, разнообразных форм самоуправления. Демократия и свободный рынок для неолиберализма – функционально взаимозависимые и взаимодополняющие понятия. В отличие от теории модернизации центральный тезис современного либерализма состоял в том, что «демократия – это необходимое предварительное или параллельное условие развития, а не его итог» (*Ibid.*: 605). Теория модернизации предусматривала обратную зависимость. При всех имеющихся различиях обе парадигмы исходили из единого отправного постулата – ведущей роли в мире западной капиталистической цивилизации и универсальности западной модели экономического и политического развития, применимой ко всем обществам.

Подобное западоцентристское видение мира вызывало возражения со стороны многих ученых и политиков. С. П. Хантингтон назвал подобный подход нереальной альтернативой, пережитком холодной войны, в условиях которой либеральная демократия рассматривалась в качестве единственной альтернативы коммунизму. Стремление Запада навязать остальным странам свои либеральные и демократические ценности в качестве универсальной модели общественного устройства вызвало ответную реакцию. Она воплощалась в возрождении и консолидации незападных цивилизаций, стремившихся построить общество по своим, отличным от Запада образцам (Huntington 1993: 191, 194).

Не случайно процесс политической модернизации на Арабском Востоке неизбежно носил многообразный, сложный и противоречивый характер, а в ряде случаев приобретал особую остроту, что затрудняло проведение подлинно демократических преобразований, способных изменить сложившуюся в обществе авторитарную практику.

В непростых условиях развития ближневосточных стран модернизация могла нередко обращаться против Запада и исходящих отсюда идей демократии и прогресса. На практике это выражалось в политизации религии и активизации радикальных исламских движений, представители которых стремились под флагом демократии и реформ утвердиться во властных структурах государства. Идеология возврата к «истинному или первоначальному» исламу во многом питалась наступлением западной культуры и образа жизни на арабское общество – быт, нравы, мораль, социальные связи между людьми, – подрывающим традиционное общество. Данное обстоятельство оказало в целом неоднозначное воздействие на массовое сознание и сыграло роковую роль в период «арабской весны».

Усиливавшаяся со второй половины 1990-х гг. вовлеченность арабских стран в общемировые процессы глобализации и модернизации происходила на фоне ускорения в них процессов смены власти и активизировавшихся попыток изменить характер действующих политических систем. Ближневосточные лидеры опасались, что подобные настроения могут выйти за политические рамки и дестабилизировать режим. В то же время многие шаги ближневосточных руководителей отличались крайней противоречивостью, случайностью и по многим параметрам оказывались несостоятельны. В значительной степени это объяснялось спецификой эволюции политических систем арабских государств. Силловые структуры государ-

ства пытались контролировать этих настроения и оказывались в сложном положении. Фактически им приходилось выступать против мнения большинства собственного народа. События «арабской весны» 2010–2011 гг. спровоцировали негативные тенденции в общественно-политическом развитии ближневосточных государств и серьезно дестабилизировали внутривосточную ситуацию в регионе.

По оценке российских исследователей В. В. Наумкина и В. А. Кузнецова, события последних лет на Ближнем Востоке привели к усилению дихотомии процессов регионализации и глобализации. Это выразилось, в частности, в возрождении традиционных социально-политических практик как ответе на тенденцию универсализации региональных политических систем (Кузнецов, Наумкин 2023). Усиливающаяся взаимозависимость государств и регионов мира в условиях глобализации и интернационализации общественного развития, ускорения экономических, социальных и политических процессов подталкивала арабские страны к поиску современных моделей развития, к модернизации политических структур, но при сохранении особой специфики и самобытности. В этой связи категории национальной идентичности и идеологии приобретали особое звучание с точки зрения изучения некоторых аспектов региональной безопасности, хотя сами по себе они не могли служить факторами, определявшими характер политических угроз на Ближнем Востоке.

Несмотря на внешнюю монолитность, выражавшуюся в единстве территории, языка, религии, культурно-исторической традиции, арабское общество не было единым и отличалось этнической и конфессиональной пестротой. В арабских странах проживали не только арабы и мусульмане. В Египте около 10 % населения (более 90 млн человек) составляли христиане-копты. В Сирии накануне кризиса 12 % и 15 % 22-миллионного населения страны были представлены христианами и курдами соответственно. В САР и соседней ей Иордании несколько сотен тысяч так называемых черкесов являлись выходцами с Северного Кавказа. В Ливане, чье население составляло в 2011 г. около 5 млн человек, проживали приверженцы 17 различных конфессий, которые представляли христиан (35 % населения), мусульман-шиитов.

Национально-этническая и религиозная неоднородность Ближнего Востока существенно осложняла процесс исторического развития проживавших здесь народов и служила источником различных конфликтов и столкновений. А под влиянием охватившего араб-

ский мир с конца XX столетия процесса глобализации его население подверглось активной политизации, что наложило свой отпечаток на политическую ситуацию в регионе.

В складывавшихся на Ближнем Востоке международных отношениях все более актуальное значение приобретал региональный фактор, отражавший динамику изменений мира через различные процессы трансформаций региональных конструкций. Одной из важных характеристик современных международных отношений являлось то, что формирование новых организаций, союзов, альянсов зачастую происходило на общей гецивилизационной основе. Большинство таких проектов носило региональный характер (Киселев 2024).

Действительно, решающим фактором, определявшим контуры развития региональной безопасности на Ближнем Востоке, являлось не столько изменение внешнего антуража ближневосточной политики, сколько региональные внутривосточные процессы. Прежние системы сдержек и противовесов, контролируемый сверху градус конфессиональных и этнических разногласий, привычные инструменты и методы работы, ранее созданные альянсы и союзы подверглись критической ревизии. Они больше не работали в плане достижения ожидаемого результата. Одновременно разновекторные силы, действовавшие в регионе, пытались осуществить политический транзит Ближнего Востока в направлении нового миропорядка. В результате указанных процессов размывались национальные границы, рушились суверенитеты, видоизменялась парадигма выстраивания новой государственности, общество обрекалось на поиск новой самоидентификации.

Заключение

Степень конфликтности региона имела ярко выраженную тенденцию к росту, что обостряло проблему международной безопасности и противодействия новому типу вызовов и угроз в регионе. Во многом это было связано с отсутствием эффективных механизмов поддержания стабильности на Ближнем Востоке. Процесс создания устойчивой и действенной системы региональной безопасности носил комплексный характер. Он был обусловлен группой внутренних и внешних факторов, которые были тесно связаны с геостратегическим положением, ресурсной базой, демографией, этническим и социокультурным многообразием и историческим наследием ближневосточных государств. Одним из важных факторов региональной безопасности являлась политика ближневосточных

государств, императивом которой была борьба с угрозами внутреннего характера в интересах защиты правящего режима. В условиях эскалации напряженности такая политика вела к обострению отношений с соседними странами и провоцировала интервенционистские настроения со стороны более сильных государств. С учетом богатого конфликтного потенциала Ближнего Востока и особой роли армии в политике военные риски и угрозы играли первостепенную роль в вопросах обеспечения региональной безопасности. Как правило, военные угрозы возникали в результате столкновения национальных интересов различных государств. Таким образом, рубеж XX–XXI столетий на Ближнем Востоке ознаменовался чередой острых конфликтов и кровопролитных войн. Ближний Восток лидировал по количеству вооруженных столкновений и кризисов, став одним из центров угроз международной безопасности.

Литература

Киселев, С. Г. 2024. Геоцивилизации, глобализация и регионализация. *Век глобализации* 4: 158–168. DOI: 10.30884/vglob/2024.04.13.

Кузнецов, В. А., Наумкин, В. В. 2023. Глобальные и региональные тренды «столетия+» на Ближнем Востоке: новое прочтение. *Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика* 15(1): 70–92. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-70-92.

Мартин, Г. Т. 2023. Телос глобализации: на пути к единству в многообразии. Завершение перехода к парадигме единой Конституции Земли. *Век глобализации* 4: 3–21.

Резник, Ю. М. 2020. Цивилизационный проект – идея, цели, идеология. *Проблемы цивилизационного развития* 2(2): 5–29.

Римский, В. П., Мизаев, В. Н., Резник, С. В. 2011. Исламский культурно-цивилизационный проект в трансформирующемся мире модерна. *Ученые записки Российского государственного социального университета* 4: 37–44.

Политическая культура и деловая этика стран Востока: сб. 2006. М.: Ключ-С.

Huntington, S. P. 1993. If not Civilization, What? Paradigms of the Post-Cold War Period. *Foreign Affairs* 72(3): 191–194.

Leftwich, A. 1993. Governance, Democracy, and Development in the Third World. *Third World Quarterly* 14(3): 605–620.